

№ 28 (478) Парижъ

7 юля 1934 г.

LA RUSSIE ILLUSTRÉE

Цѣна отд. № - 3 фр

11-й годъ изданія

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ РОССІЯ

Къ 30-лѣтію со дня смерти

Антонъ Павловичъ Чеховъ

Скончался 2/15 юля 1904 года.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ
РОССІЯ

Л. Ф. Волькенштейнъ

А. П. ЧЕХОВЪ

ВОСПОМИНАНІЯ

Понимая это небольшое воспоминание о незабвенномъ А. П. Чеховѣ — товарищѣ его по гимназій.

Я не былъ съ нимъ интимно друженъ. Въ низшихъ классахъ мальчики обращаютъ мало вниманія другъ на друга, а въ высшихъ, въ 7 и 8 ходятъ, обычно, отдельные кружки. Чеховъ былъ въ кружокъ, прозванномъ «земские врачи». Ближайшими его друзьями были: Савельевъ, Зембулатовъ, Кукушкинъ, Зиберовъ и Краса. Все они, по окончаніи гимназій, поступили на медицинскій факультетъ.

А. П. рѣшительно ничѣмъ не выделялся въ нашей гимназической средѣ. Учился онъ съ среднимъ успѣхомъ, казался скромнымъ, сосредоточеннымъ, застенчивымъ, не любилъ шумныхъ игръ. Нѣкоторые изъ насъ успѣшно занимались гимнастикой, другие увлекались игрой въ лопту, требовавшей силу и ловкость при толкѣ мяча и перебѣгѣ съ мѣста на мѣсто. Такого рода упражненія А. П. не привлекали. За то въ тихомъ кругу товарищей онъ любилъ побесѣдовать и давать изрѣзку картинку, полную юмора. А. П. хорошо зналъ церковную службу, священное писаніе и многія поученія отцовъ церкви, и въ этихъ своихъ знанияхъ черпалъ материалы для разсказовъ.

Помню его передачу о томъ, какъ старенькій батюшка, неказистый ораторъ, исполняя предписаніе владыки, произнесъ въ церкви проповѣдь «о паденіи добрыхъ нравовъ въ населеніи».

А. П. былъ прекрасный имитаторъ, и мы отъ души хохотали, слушая дребезжащій старческий тенорокъ батюшки, своеобразные обороты рѣчи и оригинальные выводы.

Извѣстно, что Чеховъ не былъ въ дѣтствѣ счастливъ. По словамъ И. Л. Щеглова, А. П. не разъ говаривалъ въ тѣсномъ кругу родныхъ и знакомыхъ:

Въ дѣтствѣ у меня не было дѣтства. Я получилъ строгое религиозное образованіе и воспитаніе съ церковнымъ пѣніемъ, чтеніемъ Апостола и кафизмовъ въ церкви, съ исправнымъ посѣщеніемъ службъ и пр... Когда я теперь вспоминаю о своемъ дѣтствѣ,

то оно представляется мнѣ довольно мрачнымъ: когда, бывало, я и два мои брата среди церкви пѣли трю «Да исправится» или «Архангельскій гласъ» — на насъ все смотрѣли съ умиленьемъ и завидовали моимъ родителямъ. Мы же въ это время чувствовали себя маленькими каторжанами.

Ничто не указывало, что среди насъ ростетъ выдающійся писатель въ недалекомъ будущемъ. Даже классныя сочиненія А. П. не были выше уровня среднихъ ученическихъ работъ.

Во время одной изъ встрѣчъ съ А. П., когда онъ уже былъ прославленнымъ писателемъ, онъ мнѣ сказалъ:

Недавно перебиралъ бумаги въ сундукѣ, и нашелъ сочиненіе, писанное мной въ шестомъ классѣ гимназій... Безъ преувеличенія скажу, что и сейчасъ не написалъ бы на эту тему чего-либо лучшаго. А Мальцевъ (нашъ учитель словесности) поставилъ мнѣ обычную мою тройку. Между тѣмъ нѣко-

торы наши товарищи получили за это сочиненіе пятерки и четверки. Думаю, что Мальцевъ эти сочиненія лучше понималъ; они были ему ближе по духу. Впрочемъ, добавивъ А. П. со своей милой улыбкой; Мальцевъ не лишенъ былъ остроумія. Вѣдь онъ на чьемъ-то сочиненіи написалъ: «Ваше сочиненіе приводитъ меня въ недоумѣніе. Стѣдуетъ обратить вниманіе на знаки препинанія».

Гимназія А. П. жилось въ послѣдніе годы ученія въ гимназій. Онъ очень нуждался матеріально и добывать средства къ жизни, ничтожно оплачиваемыми уроками. Семья его въ это время переехала изъ Таганрога.

Нашимъ товарищемъ былъ также А. Вишневскій — впоследствии одинъ изъ талантливыхъ артистовъ Московскаго Художественнаго Театра и до сего дня его украинца.

Я былъ въ Москвѣ и съ А. П. вошли въ Художественный театръ. Въ антрактъ мы зашли въ уборную Вишневскаго. Обрадовались встрѣчѣ и послѣ спектакля посидѣли въ «Большой Московской». Стали вспоминать Таганрогъ, нашу молодость, какъ намъ жилось. Вишневскій, между прочимъ, сказалъ:

А жизнь не затѣла насъ: Антонъ Панюковъ, прославленный, любимый писатель. Вы пользующійся извѣстностью на югѣ Россіи адвокатъ. — Я одинъ изъ дѣятелей лучшаго русскаго театра.

И не маленький, — добавилъ Чеховъ, оглядывая своимъ задумчивымъ, милымъ взглядомъ крупную фигуру Вишневскаго. — Такъ, такъ, — продолжалъ А. П., — а я удивляюсь, какъ наша улица не сдѣлала насъ жуликами, грабителями!.. Вѣдь росли то мы безъ умѣлаго присмотра. Можно сказать, сами себя выращивали.

Разбредись мы по университетамъ. Нѣсколько насъ, таганрожцевъ, воспитывалось въ Петербургскомъ Университетѣ. Только одинъ изъ насъ получалъ средства изъ дому, а остальные перебивались уроками, изданіемъ лекцій и проч. Когда мы узнали, что А. П. занялся литературнымъ трудомъ и печатается въ юмористическихъ журналахъ, то я думаю, что мысль писать подальше Че-

Чеховъ въ студенческіе годы

Домъ въ Таганрогѣ, въ которомъ родился и выросъ писатель.

АНТОНЪ ПАВЛОВИЧЪ
ЧЕХОВЪ.
въ 90-хъ годахъ.

хону нашъ товарищъ Н. Сергѣенко (известный впоследствии толстовецъ). Сергѣенко не окончилъ гимназій и рано сталъ писать остроумные стихи въ «Стрекозѣ» подъ псевдонимомъ Эмиль Путь. Помню, что въ разговорѣ о томъ, чѣмъ прокормимся въ Университетѣ, А. П. указалъ на Сергѣенко, который «пустычками» выбиваетъ не меньше ста рубл. въ мѣсяцъ, что тогда казалось намъ большимъ состояниемъ.

Авось, сказалъ А. П., и мы выдвинемъ изъ себя литературный талантъ!

Къ первымъ своимъ трудамъ А. П. относился безразлично. Печатають, платятъ и слава Богу! Онъ не верилъ въ свой талантъ, мечталъ быть впрочемъ и чтобы прожить — добычать заработокъ писаньемъ коротенькихъ разсказовъ въ юмористическихъ журналахъ. Старший братъ А. П. — Александръ печатался въ мелкой московской прессѣ, заглавъ, по рекомендаціи А. П., поэтъ въ «Петербург. Газетѣ», въ «Новое Время» и «Осколки».

Въ 1883 году А. П. писалъ брату своему: «я газетчикъ, потому что много пишу, но это временно... Омамъ не умру. Коли буду писать, то непременно издадеки, изъ щелочки... Не дайду, братецъ, мнѣ! Писанье кромѣ дерганья, ничего не даетъ мнѣ. 100 рублей, которые получаю въ мѣсяцъ, уходятъ на утробу, и нѣтъ силъ перемѣнить свой сѣренькій, непримиримый сюತ್ತುкъ на что-либо менѣе ветхое. Въ семью ухлопывается больше 50 р.»

Ему рано пришлось поддерживать свою, нуждавшуюся семью, которую преданно любилъ.

Въ другомъ мѣстѣ А. П. пишетъ: «Путь, попускаю отъ начала до конца усныя тернныя, гвоздяныя и крапивою, и потому здравомыслящій человѣкъ вѣчески долженъ отстранять себя отъ писательства. Если же неумолимый рокъ, несмотря на всѣ предостереженія, толкнетъ кого-нибудь на путь авторства, то, для смирненія своей участи,

такой несчастный долженъ руководствоваться слѣдующими правилами...»

А. П. съ свойственнымъ ему никогда не покидающимъ юморомъ излагаетъ эти правила и заканчиваетъ: «...Получивши гонораръ, дѣлай съ нимъ, что хочешь: купи себѣ пароходъ, осуши болото, снимись въ фотографію, закажи Финляндскому*) колоколь, увеличь женѣ турниръ въ три раза... однимъ словомъ, что хочешь. Редакция, давая гонораръ, даетъ и полную свободу дѣйствій».

Самъ не замѣчая, юный студентъ медицинскаго факультета А. П., все болѣе проявлялъ свой большой талантъ. Его писанія увлекали не только рядового читателя, но и знатоковъ литературы и выдающихся писателей того времени.

Уже въ 1883 году маститый Григоровичъ восторженно и радостно говорилъ о Чеховѣ:

Талантъ, настоящий талантъ, очень еще молодой, а ужъ чувствую, что литераторъ. Письмо Григоровича къ Чехову известно. По настоянию своихъ литературныхъ друзей, А. П. издалъ первый сборникъ своихъ разсказовъ «Пестрые разсказы», въ который вошли небольшіе разсказы, помѣщавшіеся въ «Стрекозѣ» и въ другихъ юмористическихъ изданияхъ и фельетоны «Новаго Времени».

«Пестрые разсказы» имѣли неслыханный успѣхъ. Читатели почувствовали не только что-то большое, но и милое, дорогое имъ. О Чеховѣ заговорили тотчасъ журналы. Въ журналѣ «Русское Богатство» князь Оболенскій указалъ, что Чеховское творчество просто и жизненно: «...Что это за разсказы, пишетъ Оболенскій, сколько въ нихъ жизни, сколько наблюдательности, сколько юмора и сдѣл, и любви къ человѣку! Куда онъ ни смотритъ, вездѣ для него является источникъ творчества».

А. П. производилъ изъ людей, знакомыхъ

*) Колокольный заводъ.

писавшихъ съ нимъ, чарующее впечатлѣніе. Вотъ какъ описываетъ В. Г. Короленко свое первое знакомство съ А. П.

Предо мною былъ молодой и еще болѣе молодой на видъ человѣкъ съ продолговатымъ, правильнымъ и чистымъ лицомъ, не утратившимъ еще характерныхъ юношескихъ очертаній... Простота всѣхъ движеній, приемовъ и рѣчи была господствующей чертой во всей его фигурѣ, какъ и въ его писаніяхъ. Вообще въ это первое свиданіе Чеховъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка глубоко жизнеутверждающаго. Казалось, изъ глазъ его струится неисчерпаемый источникъ остроумія и непосредственнаго веселья, которыми переполнены его разсказы. И вмѣстѣ угадывалось что-то болѣе глубокое, чему предстоитъ еще развернуться и развернуться въ хорошую сторону. Общее впечатлѣніе было цѣльное и обаятельное... Мнѣ Чеховъ казался молодымъ дубкомъ, пускающимъ ростки въ разныя стороны, еще коряво порой и безформенно, но въ которомъ уже угадывается крѣпость и цѣльная красота будущаго могучаго роста.

Талантъ Чехова признавали всѣ единогласно, но къ тому, на что онъ направитъ неопредѣленную большую силу, относились съ нѣкоторымъ сомнѣніемъ...

Самъ А. П. въ юную свою пору говорилъ такъ о своихъ писаніяхъ:

Я писать, какъ птица поетъ. Сяду и пишу. Не думаю какъ и о чемъ. Само пишется. Я, какъ молодой теленокъ или жеребенокъ, вынужденный на зеленый и свѣзлый просторъ прыгать, скакать, брыкаться, махать хвостомъ, мотать смѣшно головою, смѣялся самъ и смѣшилъ окружающихъ. Было самому весело и со стороны, должно быть, выходило смѣшно.

Чехова читала широкая публика и популярность его все болѣе и болѣе росла.

Успѣхъ свой онъ принималъ какъ-то грустно, скептически, не безъ печальной насмѣлки въ тайнѣ и надъ самимъ собою, и надъ чество создающимъ.

По воспоминаніямъ А. В. Амфитеатрова онъ встрѣтилъ А. П. въ дружескомъ домѣ въ Москвѣ послѣ шумнаго успѣха въ Петербургѣ пьесы А. П. — «Ивановъ».

— Что вы подѣлывали въ Петербургѣ? спросилъ А. В. Амфитеатровъ.

— Учился говорить генеральскими басомъ.

Въ 1887 г. Чеховъ далъ свою пьесу «Ивановъ» театру Корша въ Москвѣ. Это первая большая пьеса, написанная А. П. Успѣхъ былъ небывалый. Вотъ какъ А. П.

описывать спектакль брату своему Александру П. Чехову:

— Все, наконец, улеглось, разъялось, и я попрежнему сижу за своим столом и со спокойным духом сочиняю рассказы. Ты не можешь представить, что было! Театр-ла говорил, что никогда не видѣли въ театрѣ такого брожения, такого всеобщаго апатодисменго-шканья и не приходилось слышать столько споровъ, какъ слышали они на мой пьесѣ...

Подписываетъ А. П. письмо съ свойственными ему юморомъ: Твой Шиллеръ Шкеспировичъ Гете.

На другой день послѣ спектакля появилась въ «Московскомъ Листкѣ» рецензия Петра Кичеева, который обзываетъ пьесу нагло - циничной, безразвратной дребеденью.

Саустья два года «Ивановъ» были поставлены въ Петербургѣ, въ Александринскомъ театрѣ. Роли были распределены между лучшими силами труппы. Публика принимала артистовъ и автора восторженно. Пьеса имѣла заслуженный и большой успѣхъ.

Но не только Кичеевъ изъ «Московского Листка» зло, резко и грубо критиковалъ писанія Чехова, но и нѣкоторые другие критики того времени, среди которыхъ была извѣстный критикъ Скабичевскій, обрушились на Чехова.

Скабичевскій писалъ по поводу сборника А. П. «Короткіе рассказы»:

Вотъ и т. Чеховъ — какъ жалко, что при первомъ же своемъ появлении на литературномъ поприщѣ, онъ сразу записался въ цехъ газетныхъ клоуновъ. Надо, впрочемъ, отдать ему справедливость: въ качествѣ клоуна онъ держитъ себя очень скромно и умно... Но все это еще болѣе усугубляетъ чувство жалости тѣмъ, что, увѣшавшись побрякушками шута, онъ тратитъ свой талантъ на пустяки...

Жестокая критика Скабичевского произвела на Чехова настолько тягостное и болѣзненное впечатлѣніе, что онъ въ течение всей своей жизни не могъ забыть о ней.

О русской критикѣ вообще и въ частности Чеховъ всегда отзывался съ горечью и негодованіемъ, она много испортила ему крови и несомнѣнно влила на его здоровье.

Въ одномъ изъ писемъ къ А. С. Суворину онъ пишетъ:

— Я не журналистъ; у меня физическое отвращеніе къ брани, направленной къ кому бы то ни было; говорю физическое, потому что послѣ чтенія Протопопова, «Жизель», Буренина и проч. судей челоуѣчества, у меня всегда остается во рту вкусъ раванчины, и день мой бываетъ испорченъ. Мнѣ просто больно... Видь это не критика, не міровоззрѣніе, а ненависть, животная, нена-

РЕДАКЦИЯ И СОТРУДНИКИ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ МЫСЛЬ»

Группа, снятая во время пребывания А. П. Чехова въ Москвѣ. (Сидятъ): И. И. Ивановъ, М. Н. Ремезовъ, А. П. Чеховъ и М. М. Лавровъ. (Стоять): В. А. Гольцевъ, Н. Н. Потапенко, М. А. Саблинъ.

сытная злоба. Зачѣмъ Скабичевскій ругается? Зачѣмъ этотъ тонъ, точно судятъ они не о художникахъ и писателяхъ, а объ арестантахъ? Я не могу и не хочу.

Не трудно себѣ представить содержаніе критическихъ статей преставленнаго Буренина, о которомъ кто-то сложилъ четверостишие:

Но ушій въдетъ собака,
За ней Буренинъ тихъ и милъ.
Смотри городской, однако,
Чтобы онъ ее не укушалъ.

По поводу критики — А. Н. Плещеевъ глубоко подлюбливалъ А. П., пишетъ ему въ 1888 году:

— Правда, что критики о васъ не было ни одной солидной... Но сколько мнѣ случилось слышать отъ разныхъ лицъ — то васъ обвиняютъ въ томъ, что въ нашихъ произведеніяхъ не видно нашихъ симпатій и антипатій. Иные, впрочемъ, приписываютъ это желанію быть объективнымъ, намѣренію сдержанности... другие индифферентизму, безучастію. Но всѣ и хвалители, и порицатели признаютъ въ васъ выдающуюся силу, мастера въ пейзажѣ и тонкаго психолога.

Въ одномъ изъ писемъ А. П. пишетъ А. Н. Плещееву:

Я боюсь тѣхъ, кто между строкъ ищетъ тенденціи и кто хочетъ видѣть меня непременно либераломъ, или консерваторомъ. Я не либералъ, не постепеновецъ, не монахъ, не индифферентистъ. Хотѣлъ бы быть свободнымъ художникомъ и — только, и жалѣю, что Богъ не далъ силы, чтобы быть имъ. Я ненавижу ложь и насиліе во всѣхъ ихъ видахъ, и мнѣ одинаково противны какъ секретари консисторій, такъ и... Мое святое свѣтлое — это челоуѣческое тѣло, здоровье, умъ, талантъ, вдохновеніе, любовь и абсолютнѣйшая свобода, свобода отъ силы и лжи, въ чемъ бы послѣдняя дѣйствительно выражалась. Вотъ программа, которой я держался бы, если бы былъ большимъ художникомъ.

Къ самому себѣ, въ самооцѣнкѣ, А. П.

всегда относился съ скептицизмомъ и съ строгой критикой.

Чувство духовнаго аристократизма, или вѣрнѣе сказать, тончайшаго благородства, дѣлало ему противнымъ не только недостойные нападки критики, но и всякое выдвиганіе его имени на первый планъ.

Проходили годы. Талантъ А. П. все болѣе крѣпъ. Чеховъ сталъ однимъ изъ любимыхъ русскихъ писателей.

Въ 1888 г. Академія присудила А. П. за его сборникъ рассказовъ «Въ сумеркахъ» Пушкинскую премію. По этому поводу онъ пишетъ Е. М. Литгаверовой:

Это, должно быть, за то, что я раковъ ловилъ. Премія, телеграммы, поздравленія, пріятель, актеры, актрисы, пьесы — все это набилъ мнѣ изъ коленъ... Все пропало! Прощай лѣтъ, прощайте раки, остроносые челоуѣки, прощай моя лѣтъ, прощай голубенькій котомочникъ...

Если когда-нибудь страстная любовь выбилась изъ прощало и настоящего, то то же самое почти и чувствую теперь. Ахъ, нехорошо все это, докторъ, нехорошо!

Какъ извѣстно А. П. былъ избранъ Академіей въ почетные академики.

А. С. Суворинъ писалъ:

Фантазія его (А. П.) была прямо поразительна, если собрать всѣ тѣ мотивы и подробности быта, которые разбросаны въ его произведеніяхъ...

Все живое, волнующееся, все яркое, веселое, поэтическое онъ любилъ и въ природѣ, и въ жизни.

Великій Толстой такъ охарактеризовалъ творчество Чехова:

Чеховъ — это Пушкинъ въ прозѣ. Вотъ какъ въ стихахъ Пушкина каждый можетъ найти что-нибудь такое, что пережить и самъ, такъ и въ рассказахъ Чехова, хоть въ какомъ-нибудь изъ нихъ читатель непременно увидитъ себя и найдетъ свои мысли... Я выбралъ всѣ понравившіеся мнѣ рассказы и перечитываю ихъ всегда съ огромнымъ удовольствіемъ...

Но не только его рассказы чаровали и не

Памятник А. П. Чехову в Баденвейлере.

перестают чаровать и в настоящее время. Его пьесы вызвали большое внимание публики. И тем не менее много тяжелого переносил А. П., пока он добился успеха и признания драматурга.

Нельзя без сердечной боли вспомнить, что произошло в 1896 году на первом представлении «Чайки» в Петербурге, в Александринском театре.

А. П. Чехов во время репетиций приходил в театр к И. Н. Потапенко, принимал живое, деятельное участие в репетициях. Он беседовал с артистами; давал указания, объяснял и все время твердил:

— Главное, голубчики, не надо театральности. Просто все надо... Совсем просто... Они все простые, заурядные люди...

Чехов был в это время угрюм, на его лице, по словам брата А. П., было ясно написано, что провал пьесы неминуем.

— Не знаю, что мне делать, сказал А. П. брату: ролей не знают. Меня не слушают и не понимают... Из пьесы ничего не выходит.

По словам Е. П. Карпова, бывшего тогда режиссером Императорского театра, — на постановку «Чайки» прошло всего 9 дней.

А спустя два года на подготовку постановки той же «Чайки» Московский Художественный театр затратил полтора года.

По словам А. С. Суворина, Ив. Щеглова и других, Чехов беспокоился о пьесе и хотел, чтобы она не шла. Но пьеса пошла на юбилейный бенефис артистки Левкеевой. И в театре разыгрался небывалый скандал. «Такого головокружительного падения пьесы мы не запомним», писали газеты. Это было какое-то издательство над автором и артистами, какое-то неистовое злорачество некоторых части публики, словно, зрительный зал переполнен был на добрую половину злыми врагами А. П. Чехова...

...Особенно злорадовались строгие ценители и судьи из «нищей братии». Тут сводились личные счеты... В статьях «Театрала» впоследствии писали:

— Странно все это, если вспомнить, что А. П. Чехов — один из любимых со-

временных писателей. Что за неуважение к авторской личности, что за неблагодарность! Злорачество некоторых критиков доходило прямо до цинизма. Они не только осматривали и поносили новое произведение А. П. Чехова, но восторгались поведением, скандальной публики и усматривали в таком поведении голос истинных ценителей и глубокое понимание интеллигентных зрителей!

Не трудно себе представить как страдал А. П. от незаслуженных обид. Он бежал из Петербурга:

Не мог же я плюнуть на это представление, сказал А. П., — А. С. Суворину. Если я проживу еще 700 лет, то и тогда не отдам на театр ни одной пьесы. Будет. В этой области мне неудача.

Пьеса прошла в Петербурге пять раз при полных сборах и при неослабном успехе, по словам режиссера Е. Карпова, но все-таки была снята с репертуара.

А. П. Чехов понемногу успокоился, продолжал много писать, хотя здоровье его все больше разстраивалось.

Крым, где поселился А. П. не улучшил его здоровья. По поводу приобретения А. П. участка земли в Ялте у меня была обширная переписка с ним. В Ростов и/Д. управляющим отделением Государственного банка сотоял И. Ф. Чернявский, который владел большим земельным участком под Ялтой. А. П. просил меня узнать, согласится ли И. Ф. Чернявский вырвать небольшое место для постройки дома и выяснить условия продажи, стоимость и пр. Нечего говорить, что И. Ф. Чернявский с большой готовностью шел навстречу сделке. За мной хлопоты и усердную переписку и получить от А. П. его рассказы «Каштанка» и мой особенно любимый рассказ «Унтер Пришибеев» с автографами полными юмора.

В октябре 1904 года, во время еврейского погрома в Ростове сгорел мой дом со всем находившемся в нем имуществом. Сгорели и дороги для меня Чеховские строчки.

В это время родился и быстро занял выдающееся положение в театральном мире Московский Художественный театр. Выдающийся артист — художник К. С. Станиславский и блестящий режиссер В. И. Немирович-Данченко, стали во главе этого театра. Они поняли и почувствовали глубокую лирику чеховских пьес, но достоинству оценили всю их прелесть и стали просить А. П. дать им для постановки «Чайку». Настояли и уговорили. Волновался А. П., помня происшедшее в Петербурге. Волновался новый театр — удастся ли ему осилить все трудности постановки этой сложной пьесы. А главная забота была о А. П. Чехове, который в это время серьезно заболел и новый неуспех «Чайки» мог губительно отозваться на его здоровье.

После долгой работы постановку пьесы осилили и она прошла в первый раз при исключительном успехе. Трогательно изложил К. С. Станиславский все пережитое всеми артистами, участвовавшими в этом спектакле:

— «Но вдруг после долгой паузы, в публике поднялся рев, треск, бешенные аплодисменты... Наконец, мы почувствовали успех и, немомножно взволнованные, стали обнимать друг друга, как обнимаются в пасхальную ночь...

Московский Художественный театр явился лучшим исполнителем пьесы Чехова и отдал им свои силы и любовь. Художественный театр стал чеховским театром.

Пьесы Чехова ставились во всех театрах России и всюду «Дядя Ваня», «Три сестры», «Чайка» вызвали восторг публики.

Последняя новая пьеса, поставленная Художественным театром была «Вишневый сад». Литераторы и друзья Чехова решили чествовать А. П. Чехова 17 января 1904 г. Совпали: день рождения и 25-летие литературной деятельности.

А. П. не любил показных торжеств и даже отказывался приехать в театр, но его уговорили. Для него это, действительно, было мучительством, и он согласился, сказав:

Надо, чтобы в России чествовали писателя.

Бывшие в тот вечер в театре никогда его не забудут. Превосходная, безкомпромиссная пьеса была поставлена и разыграна с необыкновенной любовью. Сам Чехов произвел впечатление тяжело-больного, уже обреченного, видя его ясно говорили о близкой катастрофе.

Скромно и строго глядело его бледное лицо. Прием был оказан ему блестящий, вся Россия приняла участие в чествовании дорогого и любимого всеми поэта. Ветки, масса подарков, адреса, речи и приветствия, которые А. П. слушал очень внимательно и лицо его освещалось его мягкой, лучистой улыбкой.

Юбилей, по словам К. С. Станиславского, вышел торжественным, но он оставил печальное впечатление. От него отдавало похоронами. Было тоскливо на душе.

С наступлением весны 1904 г. здоровье А. П. все ухудшалось. 3 июня А. П. с женой талантливой артисткой Художественного театра О. Л. Книпер, выехали из Москвы в Баденвейлер, курорт для легочных больных. Прощаясь с Н. Телешовым, А. П. протянул ему слабую, восковую руку.

Прощайте, сказал он. Вду умираю. 2/15 июля его не стало.

В своем воспоминании о А. П. Чехове, Вл. Ив. Немирович-Данченко — руководитель Московского Художественного театра пишет:

— Большая склонность к общительности, при большой замкнутости, умение отнестись к людям смышляя проявления, их наивность, мелочность или пошлость, а вместе — трогательное, благородное, что можно найти во всякой человеческой душе; интерес ко всему, что от жизни и от искренности, и вместе с тем все обострявшаяся в нем непереносимость к насилию и надутости бездарности; какая-то стеснительность, если кто-нибудь слишком ярко выражает ему свое поклонение; искание простой радости бытия среди простых, живых людей. — таким оставался в памяти Чехов.

В 1889 году после большого успеха пьесы «Иванов» А. П. много и тепло чествовали друзья и поклонники. И. Л. Щеглов, возвращаясь с А. П. после банкета, устроенного в его честь, обратил внимание на странную задумчивость А. П. и на вопреку о чем думать после таких оваций! Чехов нахмурился и сказал:

Я все думаю о том... что будет через семь лет? И с тем же хмурым

видомъ настойчиво повторить: — Что-то будетъ черезъ семь лѣтъ?

А. П. не вѣрить въ свой большой талантъ и ему казалось, что черезъ нѣсколько лѣтъ, почему-то именно черезъ семь — творчество его изсякнетъ и его забудутъ.

Онъ ошибся. Его творчество ширилось и сияло, несмотря на тяжелую болѣзнь, еще много лѣтъ, и его не перестаютъ читать и въ настоящее время.

На дняхъ мы съ удовольствіемъ прочли въ «Послѣднихъ Новостяхъ» трогательное сообщеніе: «Французская пресса возбудила большой интересъ къ одноактному драматическому отрывку Чехова «На большой дорогѣ». Французская критика нашла этотъ чеховскій отрывокъ на рѣдкость талантливымъ. Она увидѣла въ немъ: «необыкновенное богатство драматургіи», насыщенность дѣйствіемъ и передвиженіями, восхитилась силой «роковой любви», которая одного героя доводитъ до полного паденія, а другого толкаетъ къ покушенію на убійство изъ чувства мести за женскую невѣрность». Французскіе цѣнители особенно восхищаются, что авторъ сумѣлъ все это сконцентрировать въ одномъ актѣ своей пьесы.

Еженедѣльная франц. газеты «Кандидъ» восторженно говоритъ о Чеховѣ и утверждаетъ, что постановка «На большой доро-

гѣ» — лучшее, что было въ театральномъ сезонѣ за истекшій годъ. Публика, въ достаточной степени избранная, восторженно принимаетъ пьесу и исполненіе. Игра артистовъ была простая, естественная, до удивленія **русская**. Послѣ спектакля публика расходилась взволнованная, почти потрясенная.

Въ уборной артистки г-жи Ривенъ — представители французскихъ *intellectuels*, среди нихъ извѣстный поэтъ, старикъ съ сѣдой бородой, съ большими умными и живыми глазами. Онъ тоже по настоящему взволнованъ. Говоритъ уже не изъ любезности, а по искреннему убѣжденію:

Пьеса замѣчательная... Вы, русскіе, недооцѣниваете ея... Конечно, это маленькая вещь. Я не сравниваю ее съ другими у Чехова. На спектаклѣ «Трехъ сестеръ» я плакалъ: настоящими слезами. Чеховъ — русскій гений. И вообще эта поразительная сила въ юности вашего народа. Русскіе — это молодость человѣчества.

Что будетъ черезъ семь лѣтъ? — съ грустью спрашивать А. П. Чеховъ въ 1889 году.

Вотъ что отвѣтилъ французскій литераторъ и какъ отнеслась французская публика къ писаніямъ А. П. Чехова, спустя 45 лѣтъ.

Л. Ф. Волькенштейнъ.

Комментарий

Волкеништейн Лев (Лейба) Филиппович (1858–1935) – соученик А.П. Чехова по Таганрогской гимназии. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. Присяжный стряпчий при Таганрогском Коммерческом суде. В 1890-е гг. присяжный поверенный в Ростове-на-Дону. Как и А.П. Чехов увлекался театром. В начале XX века совместно с предпринимателем И.М. Файном стал совладельцем Асмоловского театра в Ростове. В репертуар театра входили пьесы А.П. Чехова. Последние годы жизни провел в Париже.

Савельев Дмитрий Тимофеевич (1857–1909) – врач, друг детства Чехова, его товарищ по Таганрогской гимназии и Московскому университету; в студенческие годы пансионер в семье Чеховых.

Зембулатов Василий Иванович (1858–1908), товарищ Чехова по таганрогской гимназии и Московскому университету; в студенческие годы пансионер в семье Чеховых.

Кукушкин Михаил Дмитриевич (около 1860 – ?) – одноклассник А.П. Чехова по Таганрогской гимназии.

Л. Ф. Волькенштейн ошибается в воспоминаниях, Кукушкин не получил медицинского образования, а пошёл по стопам отца – занимался экспортной торговлей зерном и шерстью.

Зиберов Лев (ок. 1860 – ок. 1893) – одноклассник А.П. Чехова по Таганрогской гимназии, стряпчий при Таганрогском коммерческом суде.

Краса (Красса) Марк Федорович (1860–1913) – одноклассник А. П. Чехова по Таганрогской гимназии, после окончания Киевского университета служил судебным врачом в г. Ростове-на-Дону.

«В детстве у меня не было детства» – эту чеховскую фразу в своих мемуарах приводил Ал.П. Чехов (см. «Из детства Антона Павловича Чехова» (СПб., 1912)).

«Да исправится...» – песнопение, которое представляет собой первые четыре стиха 140-го псалма Давида.

«Архангельский глас» – духовное сочинение Д.С. Бортнянского для хора без инструментального сопровождения.

Мальцев Андрей Дмитриевич – преподаватель словесности в Таганрогской гимназии.

Как вспоминает П.П. Филевский, «это был преподаватель скучный до крайности, не обладавший решительно даром слова, что для преподавателя русского языка существенно важно».

Вишневский Александр Леонидович (настоящая фамилия Вишневецкий) (1861–1943) – российский актёр, один из создателей Московского Художественного театра.

Родился в Таганроге, учился в Таганрогской мужской гимназии вместе с А. П. Чеховым, был дружен с ним. С 1883 года участвовал в спектаклях Таганрогского музыкально-драматического общества. Служил в театрах Харькова, Екатеринослава, Одессы, Саратова на амплуа первого любовника. С 1898 года – актёр Московского Художественного театра.

Большая Московская – Большая Московская гостиница и ресторан при ней. Выстроена С. С. Карзинкиным в 1876 – 1878 годах.

В 1895 году владельцы (С. С. Карзинкин и М. В. Селиванов) провели реконструкцию гостиницы в «европейском духе». Вскоре в газетах появилась реклама нового «Гранд-

Отеля», которая гласила: «В самом центре города. Близ Кремля и Иверской часовни, Новых торговых рядов и театров. 100 заново отделанных номеров и семейных отделений. Суточно от 1 до 25 рублей, помесечно от 25 до 350 рублей. Отопление исключительно голландскими печами... Хороший ресторан. Русская и французская кухни. Бильярды. Зал для чтения с русскими и иностранными газетами и журналами. Телефон. Ванны. Омнибусы на все вокзалы железных дорог. Комиссионеры и переводчики для иностранных языков».

Чехов, по воспоминаниям И.Н. Потапенко, всегда останавливался в Большой Московской. В 1930-е годы снесена в связи со строительством гостиницы «Москва».

Сергеенко (настоящая фамилия – Сергеенко-Кучеренко) Петр Алексеевич (1854–1930) – русский писатель и драматург, журналист, биограф Л.Н. Толстого. Публиковался в 1880-е годы в журналах «Стрекоза», «Будильник», «Осколки», «Пчелка» и других.

«*Стрекоза*» – журнал сатиры и юмора с карикатурами, выходил в Петербурге с 1875 по 1908 год, позднее – с 1915 по 1918. Редакторы: Н.А. Богданов (1875–1879), И.Ф. Василевский (1879–1905).

«*Осколки*» – юмористический литературно-художественный еженедельный журнал. Издавался в Петербурге с 1881 по 1916 год. А.П. Чехов активно сотрудничал в «Осколках» с 1882 по 1887 год, поместив в них более 270 произведений.

«*Петербургская газета*» – русская ежедневная политическая и литературная газета, издавалась в Санкт-Петербурге с 1867 по 1918. С 1871 года владелец – С. Н. Худеков.

«*Новое время*» – общественно-политическая и литературная газета, издававшаяся в 1868–1917 годах в Петербурге. С 1876 по 1912 годы издатель – А.С. Суворин. Сотрудничество А.П. Чехова с газетой продолжалось с 1886 года по 1893 год.

«*Путь пишущего от начала до конца усыпан тернием, гвоздями и крапивой...*» – строки из юморески А.П. Чехова «Правила для начинающих авторов» («Будильник». 1885. № 12).

«*Уже в 1883 году маститый Григорович восторженно и радостно говорил о Чехове*» – ошибка: не ранее 1886 года.

Григорович Дмитрий Васильевич (1822–1899) – русский писатель, первый известный писатель, увидевший в рассказах Антоши Чехонте большой, настоящий талант. Чехов познакомился с Григоровичем в декабре 1885 года, когда впервые приехал в Петербург. В первом письме к А.П. Чехову от 25 марта 1886 года Григорович отмечал: «Читая Вас, я постоянно советовал Суворину и Буренину следовать моему примеру. Они меня послушали и теперь, вместо со мною, не сомневаются, что у Вас настоящий талант, – талант, выдвигающий Вас далеко из круга литераторов нового поколения».

«*Пестрые рассказы*» – сборник А.П. Чехова вышел в мае 1886 года. Был составлен из 77 ранее публиковавшихся и новых рассказов. Первый сборник Чехова, опубликованный под его подлинным именем и обративший на себя внимание широкого круга читателей.

«*Русское богатство*» – ежемесячный общественно-политический, литературный и научный журнал, издававшийся в Санкт-Петербурге в 1876–1918 годах. Первоначально назывался «Русское Богатство. Журнал торговли, промышленности, земледелия и естествознания». С января 1883 по 1891 год журнал в собственности Л.Е. Оболенского.

Оболенский Леонид Егорович (1845–1906) – русский писатель, поэт, философ и публицист, критик, издатель.

«Я писал, как птица поет...» – слова Чехова по воспоминаниям Г.С. Петрова (см. *Петров Г. Певец тоски. К 50-летию со дня рождения А.П. Чехова.* СПб.: Изд-во «Библиотечка копейка», 1911. С. 5–8).

Потапенко Игнатий Николаевич (1856–1929) – русский прозаик и драматург. Потапенко принимал участие в переговорах с цензурным комитетом и по поручению А.П. Чехова заботился о переписке экземпляров пьесы «Чайка» и внесении необходимых авторских изменений для цензуры.

Карпов Евтихий Павлович (1857–1926) – драматург, режиссер Александринского театра с 1896 по 1900, затем с 1916 по 1926; режиссёр Суворинского театра с 1900 по 1916 годы.

Суворин Алексей Сергеевич (1834–1912) – русский писатель, издатель.

Леонтьев (псевдоним – Щеглов) Иван Лаонтьевич (1856–1911) – писатель и драматург.

Левкеева Елизавета Ивановна (1851–1904) – актриса. В 1896 году отмечалось двадцатипятилетие её сценической деятельности, и для своего юбилейного бенефиса Левкеева выбрала чеховскую «Чайку».

Чернявский Иван Федорович – с 1896 года управляющий конторой Ростовского отделения Волжско-Камского коммерческого банка.

В ноябре 1899 года Чехов у него купил имение в Кучукое. Посредником выступал присяжный поверенный Л. Ф. Волкенштейн, действовавший по доверенности.

Станиславский (Алексеев) Константин Сергеевич (1863–1938) – артист и режиссер, один из основателей и руководителей Московского Художественного театра; народный артист Союза ССР. В пьесах Чехова исполнял роли: Тригорина в «Чайке», Астрова в «Дяде Ване», Вершинина в «Трех сестрах», Гаева в «Вишневом саде» и Шабельского в «Иванове». С Чеховым познакомился в 1888 году; более близкое знакомство относится к 1899 году.

Немирович-Данченко Вл.И. (1858–1943) – русский и советский театральный режиссёр, педагог, драматург, писатель, театральный критик; основатель Московского Художественного театра вместе с К.С. Станиславским.

Книппер Ольга Леонардовна (1868–1959) – актриса Московского Художественного театра с 1898 года, с 1901 года жена А.П. Чехова. исполняла ведущие роли во всех основных пьесах Чехова: Аркадина («Чайка», 1898), Елена Андреевна («Дядя Ваня», 1899), Маша («Три сестры», 1901), Раневская («Вишнёвый сад», 1904), Сарра («Иванов», 1904).

Телешов Николай Дмитриевич (1867–1957) – писатель. С А.П. Чеховым познакомился в 1888 году, но встречи их относились, главным образом, к концу 1890-х и началу 1900-х годов.